

ВО ВРЕМЯ одной из зарубежных поездок я видел рекламу фильма Нормана Энисона «Роллербэлл». На экране металась люди, передвигавшиеся на роликах, их догоняли мотоциклисты и безжалостно сбивали, давили, раздавливали, убивали...

Уже по возвращении домой я прочитал в журнале «Юность», что фильм Энисона — один из попыток западного кинематографа заглянуть на 40 лет вперед. И с удивлением узнал, что роллербэлл — игра XXI века (в которой не только разрешено, но и поощряется убийство). А виденное мельком на экране зрелище — не что иное, как чемпионат мира.

Но, может быть, это не более чем художественное преувеличение? Может быть, Ходыт подобные прогнозы на Западе на редкость. Помимо нечто подобное начали несколько лет назад американский журнал «Спортс иллюстрейтейн». Журналист Уильям Джонсон, пытаясь заглянуть в 2000 год, нарисовал две равнинности спорта будущего — эйсспорт и техноспорт.

«Эйсспорт состоит из естественной игры, нерегулируемой и спонтанной. Игры эйсспорта открыты, без ограничений, часто без правил, без таблиц подведения итогов, иногда без конца, сердиты, без измеримой победы», — утверждал Джонсон.

Соревнования по техноспорту станут проводиться на специальных стадионах с искусственным кипатом и синтетическими покрытиями, читаем мы у Джонсона.

«У нас будет нечто вроде телочувствования, — фантазировал автор, — системы электронных устройств, с помощью которых зритель, лишившийся возможности участвовать спортивным соревнованием, мог бы почувствовать боль, физическое усилие, эмоции, испытываемые спортсменом».

С прогнозами американского журналиста переплелился фантастический роман «Олимпийская надежда», написанный датским спортивным врачом Кнутом Кнудсеном. В романе описывается спортивная биография трех участников Олимпийских игр 1996 года в беге на 800 метров.

Первого отобразили научными методами в четырехлетнем возрасте. Весь дальнейшую жизнь вплоть до Олимпиады он был в тренировочном лагере. Воздействуя на наследственность, ему развили длинные бедра, мощную грудную клетку, особым образом деформировали руки.

Второго, чернокожего бегуна, купили у родителей, когда тому было всего год. Его «тренировали» при помощи гормональных препаратов. Учитывая, что спортивные способности развиваются разномерно и гармонично до тех пор, пока не преобладающую роль в организме играют гормоны роста, вплоть до Олимпийских игр развитие его удиралось на интеллектуальном и эмоциональном уровне 12 лет...

Люди, далекие от спорта, могут решить, что это всего лишь научная фантазия, не имеющая ни малейшего отношения к сегодняшнему дню. Увы, после Олимпийских игр в Монреале ряд за рубежных изданий выступил с разоблачениями спортивных мифов западных стран, применениями стимулирующие вещества, в том числе анабо-

коробнов, знаменитый тренер, много лет возглавлявший легкоатлетическую сборную страны. «Я прекрасно сознаю, что прогресс — неизбежное и закономерное явление, но, признаюсь, наблюдал за всем происходящим с чувством сомнения, и тренер. И прежде всего вижу свою задачу в совершенствовании самого человека, а не его взаимоотношений с техникой».

Коробков-тренер, например, уверял, что нельзя сравнивать мировой рекорд в дисциплинах, в которых как правило не достигнут предел, но которые тем не менее процветают. Должен признаться, что я сам не раз задумывался над тем, почему, и приму, не подает интерес и прыжки с металлическим шестом, хотя в этом виде, по утверждению многих экспертов, достигнут предельный результат — 8,90 м. Норазмышляя вместе.

Прыгнув в первый же по-

спорт

ЕСТЬ ЛИ БУДУЩЕЕ У РЕКОРДОВ?

лические стероиды, которые с одной стороны стимулируют белковый обмен, способствуют формированию мышц, с другой — наносят неизгладимый вред организму, разрушая нервную систему.

Нам чудн приписывают, используемый некоторыми деятелями буржуазного спорта: медали любой ценой. Наша позиция предельно ясна — спорт и опасные эксперименты над здоровьем людей несовместимы.

Объявив войну фармакологическим стимулаторам, мы в то же время поддергиваем проникновение в спорт посредников достижений науки и техники, обои они помогают людям лучше проявить свои физические возможности, вскрыть запас неисчерпаемой энергии и сил, хранившихся до поры до времени под спудом.

«Я уверен, что в результате научно-технического прогресса мы очень скоро станем свидетелями прорыва человечества в совершенно новую область физических возможностей. Это касается не только рекордных достижений, но и здоровью, и долголетию. Такова точка зрения профессора, доктора медицинских наук Анатолия Витальевича Коробкова. Но у этой точки зрения были противники, среди них брат Анатолия Витальевича — Гавриил

современных прыгунов, но же пришла на метр ниже именитых спортсменов. «Вот почему и считаю, что было бы правильно отдать чертой эры металлического шеста и начать новое исполнение мирового рекорда для физиоглоссного».

Прошло несколько лет. И молодые атлеты, никогда не встречавшиеся с Виталием на секторе, призванные его достичь рекордом века, той работы, каких предшественники, перед этим рекордом не делали, пришли к тому, что считать рекордом в прыжках с шестом и других видах. Правила фиксации рекордов — не более чем условие, которое человек всегда в состоянии подчинить своим интересам. И подчиняется. Так, мы были не раз свидетелями изменения условий стрелковых соревнований. Стоило спортсменам в том или ином виде стрельбы понять, что предельно возможный результат, как тут же следовало решение — либо уменьшить мишени, либо увеличить расстояние до нее, либо сделать большим число выстрелов в серии. И, кто знает, может быть, аналогичным образом поступят, скажем, руководители Международной федерации легкой атлетики, когда убедятся, что метатели становятся посыпать диски, молот, копье на небесоподобные для зрителей расстояния. Тогда,

попытке олимпийских соревнований в Мехико на 8,90 м, американец Боб Бимон перечеркнул честолюбивые планы всех своих конкурентов. Прошло нескошко лет. И молодые атлеты, никогда не встречавшиеся с Виталием на секторе, призванные его достичь рекордом века, той работы, каких предшественники, перед этим рекордом не делали, пришли к тому, что считать рекордом в прыжках с шестом и других видах. Правила фиксации рекордов — не более чем условие, которое человек всегда в состоянии подчинить своим интересам. И подчиняется. Так, мы были не раз свидетелями изменения условий стрелковых соревнований. Стоило спортсменам в том или ином виде стрельбы понять, что предельно возможный результат, как тут же следовало решение — либо уменьшить мишени, либо увеличить расстояние до нее, либо сделать большим число выстрелов в серии. И, кто знает, может быть, аналогичным образом поступят, скажем, руководители Международной федерации легкой атлетики, когда убедятся, что метатели становятся посыпать диски, молот, копье на небесоподобные для зрителей расстояния. Тогда,

вероятно, будет увеличен вес снарядов или уменьшены круги для метания.

Но есть ли предел рекордам?

Вопросы эти давно волнуют поклонников спорта. И заключено в них больше, чем простое любопытство. В них тревога за будущее спорта. Ибо никак же это спорт без рекордов?

Читатели мне могут возразить, называя спортивные дисциплины, в которых как правило не достигнут предела, но которые тем не менее процветают. Должен признаться, что я сам не раз задумывался над тем, почему, и приму, не подает интерес и прыжки с металлическим шестом, хотя в этом виде, по утверждению многих экспертов, достигнут предельный результат — 8,90 м. Норазмышляя вместе.

Прыгнув в первый же по-

рекордный дед по-последнюю, спасибо! Но в то, что это возможно, верят даже не все спортивные специалисты и учёные. К счастью, в отрыве от них, большинство спортсменов по натуре оптимисты. Они верят, что можно прыгать и дальше 8,90 м. Так же, как верили в свое время сильнейшие прыгуны в высоту, что рекорд Валерия Брумеля — 2,28 м, далее до предела физических возможностей человека. И в конце концов высота 2,29 м покорилась. А наивнейший зимой младой советской легколетатель Владимир Ищенко довел высшее мировое достижение в этом виде до 2,35 м.

Спорт не спорт. Здесь никому навечно не гарантировано первенство.

Рекорд — это попытка заглянуть в завтрашний день. Но сейчас я предлагаю вернуться назад, в то время, когда фиксировались первые рекорды страны, и восстановить их с достижениями сегодняшнего дня. Возьмем наиболее характерный пример. Первый рекорд страны в толкании ядра среди женщин, установленный снарядом весом 3,629 кг в 1922 году, равнялся 7 метрам 32 сантиметрам. Ниже же, чтобы получить золотой значок ГТО, его соискательница должна толкнуть ядро (которое потяжелело и весит теперь 4 кг) на 7 метров 50 сантиметров. Или, возможно, результат победителей первых Олимпийских игр нашего времени. Сегодня они на плечу десяткам тысяч спортсменов. Сначала за каждую из предел физических возможностей прорываются единицы, за них идут десятки, сотни, тысячи. В этом диалекте спорта, диалекте.

Физические возможности человека еще далеко не исчерпаны. И все-таки не исключено, что когда-нибудь человеком, привыкшим к спорту, чтобы получить золотой значок ГТО, его соискательница должна толкнуть ядро (которое потяжелело и весит теперь 4 кг) на 7 метров 50 сантиметров. Или, возможно, результат победителей первых Олимпийских игр нашего времени. Сегодня они на плечу десяткам тысяч спортсменов. Сначала за каждую из предел физических возможностей прорываются единицы, за них идут десятки, сотни, тысячи. В этом диалекте спорта, диалекте.

Иногда дед брал ящики и приезжал на денек к нам. Но уже не нравился у них — в старом районе шум под окнами, не нравился воздух: в Чертаново свежий, как в горах.

Съезжаться Павел Иванович не хотел, «не люблю хлопот, кому-то доставлять, у вас же нет времени», — говорил он. Но в этот раз он не нравился у них — в старом районе шум под окнами, не нравился воздух: в Чертаново свежий, как в горах.

Съезжаться Павел Иванович не хотел, «не люблю хлопот, кому-то доставлять, у вас же нет времени», — говорил он. Но в этот раз он не нравился у них — в старом районе шум под окнами, не нравился воздух: в Чертаново свежий, как в горах.

Съезжаться Павел Иванович не хотел, «не люблю хлопот, кому-то доставлять, у вас же нет времени», — говорил он. Но в этот раз он не нравился у них — в старом районе шум под окнами, не нравился воздух: в Чертаново свежий, как в горах.

Съезжаться Павел Иванович не хотел, «не люблю хлопот, кому-то доставлять, у вас же нет времени», — говорил он. Но в этот раз он не нравился у них — в старом районе шум под окнами, не нравился воздух: в Чертаново свежий, как в горах.

Съезжаться Павел Иванович не хотел, «не люблю хлопот, кому-то доставлять, у вас же нет времени», — говорил он. Но в этот раз он не нравился у них — в старом районе шум под окнами, не нравился воздух: в Чертаново свежий, как в горах.

Съезжаться Павел Иванович не хотел, «не люблю хлопот, кому-то доставлять, у вас же нет времени», — говорил он. Но в этот раз он не нравился у них — в старом районе шум под окнами, не нравился воздух: в Чертаново свежий, как в горах.

Съезжаться Павел Иванович не хотел, «не люблю хлопот, кому-то доставлять, у вас же нет времени», — говорил он. Но в этот раз он не нравился у них — в старом районе шум под окнами, не нравился воздух: в Чертаново свежий, как в горах.

Съезжаться Павел Иванович не хотел, «не люблю хлопот, кому-то доставлять, у вас же нет времени», — говорил он. Но в этот раз он не нравился у них — в старом районе шум под окнами, не нравился воздух: в Чертаново свежий, как в горах.

Съезжаться Павел Иванович не хотел, «не люблю хлопот, кому-то доставлять, у вас же нет времени», — говорил он. Но в этот раз он не нравился у них — в старом районе шум под окнами, не нравился воздух: в Чертаново свежий, как в горах.

Съезжаться Павел Иванович не хотел, «не люблю хлопот, кому-то доставлять, у вас же нет времени», — говорил он. Но в этот раз он не нравился у них — в старом районе шум под окнами, не нравился воздух: в Чертаново свежий, как в горах.

Съезжаться Павел Иванович не хотел, «не люблю хлопот, кому-то доставлять, у вас же нет времени», — говорил он. Но в этот раз он не нравился у них — в старом районе шум под окнами, не нравился воздух: в Чертаново свежий, как в горах.

Съезжаться Павел Иванович не хотел, «не люблю хлопот, кому-то доставлять, у вас же нет времени», — говорил он. Но в этот раз он не нравился у них — в старом районе шум под окнами, не нравился воздух: в Чертаново свежий, как в горах.

Съезжаться Павел Иванович не хотел, «не люблю хлопот, кому-то доставлять, у вас же нет времени», — говорил он. Но в этот раз он не нравился у них — в старом районе шум под окнами, не нравился воздух: в Чертаново свежий, как в горах.

Съезжаться Павел Иванович не хотел, «не люблю хлопот, кому-то доставлять, у вас же нет времени», — говорил он. Но в этот раз он не нравился у них — в старом районе шум под окнами, не нравился воздух: в Чертаново свежий, как в горах.

Съезжаться Павел Иванович не хотел, «не люблю хлопот, кому-то доставлять, у вас же нет времени», — говорил он. Но в этот раз он не нравился у них — в старом районе шум под окнами, не нравился воздух: в Чертаново свежий, как в горах.

Съезжаться Павел Иванович не хотел, «не люблю хлопот, кому-то доставлять, у вас же нет времени», — говорил он. Но в этот раз он не нравился у них — в старом районе шум под окнами, не нравился воздух: в Чертаново свежий, как в горах.

Съезжаться Павел Иванович не хотел, «не люблю хлопот, кому-то доставлять, у вас же нет времени», — говорил он. Но в этот раз он не нравился у них — в старом районе шум под окнами, не нравился воздух: в Чертаново свежий, как в горах.

Съезжаться Павел Иванович не хотел, «не люблю хлопот, кому-то доставлять, у вас же нет времени», — говорил он. Но в этот раз он не нравился у них — в старом районе шум под окнами, не нравился воздух: в Чертаново свежий, как в горах.

Съезжаться Павел Иванович не хотел, «не люблю хлопот, кому-то доставлять, у вас же нет времени», — говорил он. Но в этот раз он не нравился у них — в старом районе шум под окнами, не нравился воздух: в Чертаново свежий, как в горах.

Съезжаться Павел Иванович не хотел, «не люблю хлопот, кому-то доставлять, у вас же нет времени», — говорил он. Но в этот раз он не нравился у них — в старом районе шум под окнами, не нравился воздух: в Чертаново свежий, как в горах.

Хотя новая хозяйка отцовского дома и начала завоевывать новые порядки — немножко переставила мебель, заменила сматрительную на крутом столе, перестала быть бабушкой, дочь и внучки отнеслись к этому спокойно. Все естественно, хозяйка.

А он повеселел. Был разговорчив, дружелюбен, переселжался на свою кухню.

Вера Михайловна хвалила деда. «Он у вас там много знает, столько повидал, рассказывает очень интересно», — говорила она. Только вот одно раздражало дочь и внучек. Слишком уж часто Веру Михайловну глядела на гостью.

— Спасибо, — сказал Павел Иванович, — я тоже часто занимался спортом, наставлял, пытаюсь в этом помочь.

— Очень она недавно приехала, — ворчал по этому поводу Володя. — Какая она мне была, у меня была своя и всегда только она одна.

— Папочка, это безумство.

— Всё в твои годы женился, — сказала внучка.

— Действительно, найти женщина для ухода за пожилым, больным человеком сегодня очень трудно, мы же все время имиджем. Но ради деда терпима.

— ЧЕРЕЗ три недели, как раз в воскресенье, — ворчал по этому поводу Володя.

— Очень она недавно приехала, — ворчал по этому поводу Володя.

— Ее не стала останавливать, — сказала внучка.

— ЧЕРЕЗ три недели, как раз в воскресенье, — ворчал по этому поводу Володя.

— Очень она недавно приехала, — ворчал по этому поводу Володя.

